

БЛОКОВСКАЯ ЦИТАТА В СТИХОТВОРЕНИИ

А. БАШЛАЧЕВА

"МЫ ЛЬЕМ СВОЕ БОЛЬНОЕ СЕМЯ..."

Мы льем свое больное семя
 На лезвие того ножа,
 Которым нас срезает время,
 Когда снимает урожай.

Демократичней всех растений
 Величие простой травы.
 И две мозоли на коленях
 Иным полезней головы.

Я приглашаю вас к барьеру —
 Моих испытанных врагов —
 За убежденья и веру
 Плеваться с десяти шагов.

Сегодня всем раздали крести —
 И умному, и дураку.
 Погиб поэт — невольник чести,
 Сварился в собственном соку.

Давай жевательной резинкой
 Залепим дыры наших ран.
 Разбив любимые пластинки,
 Уткнемся в голубой экран.

Шуты, фигляры и пророки
 Сегодня носят "Фендера",
 Чтобы воспеть в тяжелом роке
 Интриги скотного двора.

И каждый вечер в ресторанах
 Мы все встречаемся и пьем.
 И ищем истину в стаканах,
 И этой истиной блюем.

Мы льем свое больное семя
 На лезвие того ножа,
 Которым нас срезает время,
 Когда снимает урожай.

Мы запрежем свинью в карету,
 А я усядусь ямщиком,
 И двадцать два квадратных метра
 Объедем за ночь с ветерком.

Мы вскроем вены торопливо
 Надежной бритвою "Жилетт"
 Но вместо крови льется пиво
 И только пачкает паркет.

Под тусклым солнцем трудно зреют
 Любви святые семена.
 Любовь подобна гонорее,
 Поскольку лечится она

Мы льем свое больное семя
 На лезвие того ножа,
 Которым нас срезает время,
 Когда снимает урожай.

Поскольку "одной из типологических особенностей русской рок-поэзии принято считать ее принципиальную интертекстуальность: гипернасыщенность рок-текста цитатами — "памятью" о других текстах"¹, интертекстуальный подход к рок-стихам можно считать одним из самых продуктивных. Спектр источников, к которым об-

ращается рок-поэзия, необычайно широк — от восточных религиозных систем и русской классической литературы до рок-стихов западных исполнителей. Причем русским роком "классические тексты — источники цитат — по-прежнему воспринимаются как авторитетные, и авторское слово строится с учетом "чужого" слова предшественников"².

Среди классиков русской литературы, к авторитету которых обращались рок-поэты, есть и Александр Блок. В рок-поэзии можно встретить разные виды блоковских цитат. Так, Майк Науменко "поселил" Блока в свой "Уездный Город N" вместе с другими персонажами истории и культуры. Как и прочие герои, Блок в песне Майка "играет чужую роль", равно далекую как от Блока реально биографического, так и от Блока мифологизированного, а особенности функционирования этого образа и авторского отношения к нему следует искать в той парадигме, в которую Блок оказался вписан:

Дон Жуан на углу читает серию лекций
О дружбе и о любви.
Вокруг него толпа, и в ней среди прочих —
Спиноза, Блок и Дали³.

Б. Г. использует блоковский хрестоматийный образ в паре с не менее хрестоматийным пушкинским образом (песня "Юрьев день", альбом "Пески Петербурга", 1993):

Незнакомка с Татьяной торгуют собой
В тени твоего креста,
Благодаря за право на труд⁴.

Анализируя этот фрагмент, Т. Г. Ивлева полагает, что здесь используется прием постмодернизма — "воспроизведение классических образов в нехарактерном для них, как правило, модернизированном контексте <...> Героини Пушкина и Блока, традиционно несущие в себе женское начало, воплощающие собой Вечную Женственность, наделены откровенно сниженной характеристикой"⁵. Между тем, в "Юрьевом дне" Б. Г. содержится не столько инверсия "Традиционных представлений, сколько развитие потенциальных возможностей хрестоматийных образов, разрушение идиом и углубление характеристик персонажей в соответствии с их возможной рецепцией как в прошлом, так и в наше время. Проще говоря — стирание хрестоматийного глянца. В пользу такой интерпретации говорит, например, реакция части современников Блока на появление "Незнакомки" — ср. воспоминания Юрия Анненкова: "Студенты, всяческие студенты, в Петербурге знали блоковскую "Не-

знакомку" наизусть. И "девочка" Ванда, что прогуливалась у входа в ресторан "Квисисана", шептала юным прохожим:

— Я уесь Незнакоумка. Хотите ознакоумиться?

"Девочка" Мурка из "Яра", что на Большом проспекте, клянчила:

— Карандашик, угостите Незнакомочку. Я прозябла.

Две девочки, от одной хозяйки с Подъяческой улицы, Сонька и Лайка, одетые как сестры, блуждали по Невскому (от Михайловской улицы до Литейного проспекта и обратно), прикрепив к своим шляпкам черные страусовые перья.

— Мы пара Незнакомок, — улыбались они, — можете получить электрический сон наяву. Жалеть не станете, миленький-усатенький (или хорошенький-бритенький, или огурчик с бородкой)...⁶

Т. е. в "Юрьевом дне" хрестоматийный образ отсылает не столько к "первоисточнику" — стихотворению Блока, сколько к одному из типов рецепции блоковского образа.

Блоковский и чеховский хрестоматийные образы контаминируются в "даме в вуали" — "даме с собачкой" в стихотворении Башлачева "Похороны шута"⁷.

Есть в рок-поэзии и фрагменты блоковских стихов — опять-таки хрестоматийных. Так, в стихотворении Башлачева "Не позволяй душе лениться..." — своеобразном "коллаже из пушкинских, есенинских, блоковских, пастернаковских цитат"⁸ — легко узнается цитата из известного со школьной скамьи стихотворения:

Так черт возьми, всегда к твоим услугам

Аптека, улица, фонарь⁹

Не менее узнаваема и трансформированная блоковская цитата у Башлачева, к которой мы обратимся в настоящей работе. Но прежде всего, оговорим, что А. Башлачев в ряду *поэтов цитирующих* занимает отнюдь не последнее место — целый ряд его стихов строится на сращении цитат из самых разнообразных источников от фольклора до советской поэзии¹⁰. В стихотворении "Мы льем свое больное семя..." цитата из блоковской "Незнакомки" содержится в четверостишии:

И каждый вечер в ресторанах

Мы все встречаемся и пьем.

И ищем истину в стаканах,

И этой истиной блюем¹¹

Анализируя цитацию в этом стихотворении, Е. А. Козицкая приходит к выводу, что "традиционная поэтическая тема судьбы художника, мучительного поиска истины, вводимая в авторский текст через цитаты <...>, тут же демонстративно снижается, наро-

чито огрубляется, т. е. адаптируется применительно к современной ситуации, какой ее видит автор"¹². Однако говоря об особенностях цитирования у Башлачева, следует уточнить понятие "текст-источник". Дело в том, что, как показывают наблюдения, "чужое" слово у Башлачева чаще всего отсылает не к какому-то конкретному произведению со всеми его смыслами (хотя так кажется при первом приближении), а к некоей идиоме, культурному клише, соотносимо не столько с определенным источником, сколько с совокупностью источников, точнее — системой, существующей в массовом сознании как некий стереотип и, как выясняется, далекой на первый взгляд от каких-то конкретных привязок к тем или иным произведениям-предшественникам. Чтобы доказать эту мысль, сравним стихотворение Блока "Незнакомка" с башлачевским четверостишием.

Очевидные ассоциации с "Незнакомкой" вызывает первая строка этого четверостишия: "И каждый вечер в ресторанах". Эта строка может отсылать по меньшей мере к четырем строкам блоковско-го текста. Ср.: "По вечерам над ресторанами", "И каждый вечер, за шлагбаумами", "И каждый вечер друг единственный", "И каждый вечер в час назначенный". Во всех четырех случаях перед нами первые строки четверостиший (как и у Башлачева), но не в одном из них нету полного тождества с башлачевской строкой — три раза повторяемое "И каждый вечер..." нигде не предшествует "ресторану", а начальная строка "Незнакомки" начинается не с этой фразы, а с "По вечерам...", которой нет у Башлачева. Конечно, цитата не должна быть точной. Но здесь важно, что у Башлачева, благодаря трансформации блоковской цитаты, рестораны занимают иное пространственное положение относительно субъекта. Если блоковский герой в начале стихотворения помещается *вне* ресторана, то герой (герои) Башлачева оказываются *внутри* ресторана. Несомненно, что таким образом смысл текста-источника редуцируется. Герой Блока — и участник ситуации, и, вместе с тем, наблюдатель. Герой Башлачева — только участник.

Более того — вариантом исполнения этой строки 1985-го года ("В пивных домах и в ресторанах"¹³) Башлачев, казалось бы, окончательно лишил текст-источник таинственности, депоэтизировав, как может показаться, его хрестоматийный смысл. Но напомним реальную обстановку, в которой Блок создавал свою "Незнакомку": "Какие там рестораны! На самом деле был скромный железнодорожный буфет, где собирались местные выпивохи"¹⁴. Башлачев

лишает мир Блока фантазийного, поэтического компонента, и возвращает этот мир к обыденности.

Ко второй строке башлачевского четверостишия ("Мы все встречаемся и пьем") аналоги у Блока можно отыскать лишь косвенные: "В моем стакане отражен" или "Пронзило терпкое вино". Блок поэтизирует процесс питья. Башлачев более прямолинеен — просто "пьем". У Блока даже слова "пить" нет.

Третья строка тоже, кажется, как и первая, легко узнается: "И ищем истину в стаканах". Ср. у Блока: "И каждый вечер друг единственный / В моем стакане отражен", "И пьяницы с глазами кроликов / In vino veritas! кричат", "Я знаю: истина в вине". Но опять перед нами контаминация — у Блока нету сочетания *истины* и *стакана*, у Башлачева же такое сочетание еще более обнажает блоковскую ситуацию в ее натуралистичности.

Третья и четвертая строки башлачевского четверостишия начинаются с союза "и", что напоминает структуру некоторых фрагментов "Незнакомки": "И шляпа с траурными перьями, / И в кольцах узкая рука", "И вижу берег очарованный, / И очарованную даль". Блоковская ситуация развивается на уровне характерного для древнерусских сакральных текстов приема нанизывания фраз с помощью союза "и". Однако четвертая строка у Башлачева не только не находит аналогов у Блока, но, по сути, редуцирует всю блоковскую ситуацию: "И этой истиной блюем". Блок — может быть, невольно, — эпатировал современников сентенцией "истина в вине". У Башлачева истина не *в вине*, а *в стакане*, она не имеет латинского эквивалента, а в конечном итоге — выблевывается. Блок знает по крайней мере местонахождение истины. Башлачев ее ищет и легко утрачивает, делая таким образом поиски истины бесконечными. Таким образом, Башлачев, сохраняя используемый Блоком синтаксический прием, депоэтизирует саму блоковскую ситуацию поиска истины, доводя ее до логического завершения.

Принципиальная инверсия наблюдается при соотнесении точек зрения у Блока и Башлачева. У Блока нет "мы", но есть "они" — пьяницы и лакеи. Эти "они" получают у Башлачева свою точку зрения, право высказаться. У Блока пьяницы только кричали "In vino Veritas!" "В стихотворении "Незнакомка" лозунг "истина в вине", призывающий к забвению, ИСХОДИТ от "пьяного чудовища" и "одобряется" рассказчиком стихотворения горестно и трагически как недолжная уступка злему миру"¹⁵. У Башлачева точка зрения пьяниц не только развернута и "одобряется" рассказчиком, но и

становится тождественной его точке зрения. Отсюда — закономерное "мы". Это уже не уступка миру, а единственно возможная его характеристика. "Незнакомка" Башлачевым драматизируется. "Бессловесные" (или латиноговорящие) персонажи Блока у Башлачева получают право голоса. В сущности, то, что они делают, напоминает деяния блоковского лирического героя, но "мы" не придают этому романтического флера. Это — точка зрения "с другой стороны", наглядно демонстрирующая разницу между Поэтом и остальными. Но парадокс в том, что блоковские пьяницы у Башлачева — тоже поэты.

В редакции 85-го года Башлачев в этом четверостишии заменил "мы" на "они":

И каждый вечер в ресторанах
Они работают и пьют,
И ищут истину в стаканах,
И этой истиной блюют
И льют...¹⁶

Он попытался хотя бы формально встать на точку зрения блоковского лирического героя, для которого лакеи и пьяницы — "они". Герой стихотворения абстрагирован от них. Но что же изменилось? Вместо "встречаемся" — "работают". И все. Конечно, важно, что в этой редакции субъекты становятся объектами. В этой связи очевидно, что текст-реципиент максимально сближается с блоковским источником. Но самое важное, что смысл от этого, в сравнении с "каноническим" вариантом, как ни странно, принципиально не меняется.

Еще один уровень смыслообразования — метрическая цитата. "Незнакомка" узнается в стихотворении Башлачева и на уровне поэтического размера. Однако дактилическая рифма нечетных строк "Незнакомки" у Башлачева заменена рифмой женской. За счет этого возникают аллюзии к другим текстам-предшественникам, написанным, как и блоковская "Незнакомка", четырехстопным ямбом, но сочетающим рифмы женскую и мужскую, как у Башлачева, а не дактилическую и мужскую, как у Блока. Прежде всего — это цитируемое Башлачевым в "Мы льем свое больное семя..." стихотворение Лермонтова "Смерть поэта" ("Погиб поэт — невольник чести, / Сварился в собственном соку") и пушкинский "Евгений Онегин". В последнем случае одним из источников башлачевского "Я приглашаю вас к барьеру — / Моих испытанных врагов" может считаться характеристика Зарецкого, который умел "Друзей посорить молодых / И на барьер поставить их"¹⁷. Напомним, что этот

эпизод связан с гибелью поэта (Ленского). Таким образом, узнаваемая метрическая цитата у Башлачева контаминирует Пушкина, Лермонтова и Блока (отметим, что в разных местах стихотворения цитаты из Пушкина и Лермонтова легко узнаются) и актуализирует важную для русской культуры тему трагической судьбы поэта. Но Трагизм, заявленный метрической цитатой, разрушается трансформацией хрестоматийного значения цитат и из Пушкина, и из Лермонтова, и из Блока. Тема поэта остается, но его трагическая судьба теперь явно редуцирована.

Все эти рассуждения в какой-то мере косвенно подкрепляются устоявшимися в блоковедении интерпретациями "Незнакомки". Д. Е. Максимов пишет: "Одна из особенностей стихотворения — в диалектически противоречивом, эмоционально закрепленном единстве стихийной, наркотически-завораживающей, этически-нейтральной поэзии (горькое, но не до конца ироническое: "истина в вине", с лирическими эквивалентами этой формулы) и противоборствующего нормативно-оценочного начала, т. е. прямого осуждения ("скука", "визг", "пьяницы", "чудовище" и т. д.)"¹⁸. Близкую интерпретацию предлагает Вл. Орлов: "Обращаясь к картинам и сценам городской "повседневности", Блок полюбил окружать ее ореолом сказочной, романтической фантастики, сталкивая "высокое" и "низкое", рисуя прекрасные, призрачные видения на фоне самой низменной и будничной обстановки. Типичный пример — знаменитая баллада "Незнакомка" (апрель 1906 г.), где рассказано о том, как "таинственной" становится сама пошлость мещанского обихода (пьяные крики, женский визг, "запыленные вокзалы", трактир, пьяницы "с глазами кроликов", сонные лакеи и т. п.)"¹⁹. «Поэзия волшебного видения, рождающегося из жалкой обыденщины, торжествует в "Незнакомке"²⁰. Суммируя, можно заключить, что Блок в "Незнакомке" контаминировал стихию и норму, романтическое и повседневное, высокое и низкое, сказочное и обыденное.

В каком же отношении к такого рода интерпретации оказывается башлачевский текст? Башлачев разрушил хрестоматийный смысл блоковского стихотворения, показав другую точку зрения на ту же самую ситуацию. Не точку зрения поэта начала века, для которого "дело было, натурально, не в количестве выпитого вина, но в могучей силе вдохновения, творившего сказку из серой обыденщины"²¹, а точку зрения поэтов — завсегдатаев ресторанов, для которых существует лишь одна сторона медали; повседневность, низкое, обыденное, лишенное оценочных характеристик и прини-

маемое как данность. Более того, Башлачев идет дальше Блока, принципиально переворачивая ситуацию: то, что у Блока было низким, для Башлачева — норма существования, поэтому, редуцировав высокое, Башлачев блоковское низкое снижает еще более. Получается замкнутый круг, замкнутый и бессмысленный — каждый вечер пьем, потом блюем. И никаких незнакомок даже в толковании "девочки" Ванды.

Таким образом, перед нами разрушение целого уровня смыслообразования "Незнакомки". Это не просто стирание хрестоматийного глянца и возвращение источнику одного из утраченных хрестоматией смыслов, не полемика с текстом-предшественником, а актуализация одного из дихотомических начал блоковской "Незнакомки" в ущерб другому и его дальнейшая вульгаризация, депоэтизация.

В результате блоковская цитата у Башлачева наглядно демонстрирует, что перед нами не совсем традиционный механизм цитирования, когда "цитата аккумулирует определенные грани смысла, ассоциативные ходы того текста, из которого она взята, и привносит их во вновь создаваемый авторский текст, делая эти "чужие" смыслы частью становящейся содержательной структуры, причем частью, диалогически взаимодействующей с целым"²². Трансформируя мир блоковской "Незнакомки", редуцируя "высокий" смысл хрестоматийного стихотворения, актуализируя и доводя до логического завершения смысл "низовой"²³, Башлачев разрушил культурный миф о Поэте и, как следствие, лишил мир поэтической красоты, оставив лишь трагическую обыденность.

¹ Ивлева Т. Г. Пушкин и Достоевский в творческом сознании Бориса Гребенщикова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь, 1998. С. 87.

² Козицкая Е. А. "Чужое" слово в поэтике русского рока // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь, 1998, С. 50

³ Майк из группы "Зоопарк" (Майк: Право на рок). Тверь, 1996. С. 156.

⁴ Б. Г. Песни. Тверь, 1996. С. 262.

⁵ Ивлева Т. Г. Пушкин и Достоевский в творческом сознании Бориса Гребенщикова // Русская рок-поэзия, текст и контекст. Тверь, 1998. С. 89.

⁶ Анненков Юрий. Александр Блок // Памяти Александра Блока. 1880 — 1980. London, 1980. С. 100.

⁷ Подробнее см.: Доманский Ю. В. "Дама с собачкой" в стихотворении А. Башлачева "Похороны шута" // Чеховские чтения в Твери. Тверь, 2000.

⁸ Петрова Н. А. От бардов к року // Эстетические доминанты культуры XX века. Пермь, 1997. Ч. I. С. 90.

⁹ Башлачев А. Стихи. [М.], 1997. С. 136.

¹⁰ См.: Горбачев О. А. Механизм цитирования и автоцитирования в "Триптихе" А. Башлачева // Русская рок-поэзия: текст и контекст 2. Тверь, 1999; Козицкая Е. А. "Чужое" слово в поэтике русского рока // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь, 1998; Кошелев В. А. "Время колокольчиков": литературная история символа // Русская рок-поэзия: текст и контекст 3. Тверь, 2000; Нугманова Г. Ш. Фольклорные образы-символы в творчестве А. Башлачева // Русская рок-поэзия: текст и контекст 2. Тверь, 1999; Палий О. В. Рок-н-ролл — славное язычество (источники интертекста в поэзии А. Башлачева) // Русская рок-поэзия: текст и контекст 2. Тверь, 1999; Петрова Н. А. От бардов к року // Эстетические доминанты культуры XX века. Пермь, 1997. Ч. I.

¹¹ Стихотворение "Мы льем свое больное семя..." цитируется, кроме особо оговоренных случаев, по тексту основного варианта в издании: Башлачев А. Стихи. [М.], 1997. С. 69 — 70.

¹² Козицкая Е. А. "Чужое" слово в поэтике русского рока // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь, 1998. С. 50.

¹³ Башлачев А. Стихи. [М.], 1997. С. 180.

¹⁴ Орлов Вл. Поэт и город. Л., 1980. С. 119.

¹⁵ Максимов Д. Е. Идея пути в поэтическом сознании А. Блока // Блоковский сборник II. Труды Второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Тарту, 1972. С. 103.

¹⁶ Башлачев А. Стихи. [М.], 1997. С. 180.

¹⁷ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 5. С. 103.

¹⁸ Максимов Д. Е. Идея пути в поэтическом сознании А. Блока // Блоковский сборник II. Труды Второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Тарту, 1972, С. 68 — 69.

¹⁹ Орлов Вл. Александр Блок. Очерк творчества. М., 1956. С. 84.

²⁰ Орлов Вл. Поэт и город. Л., 1980. С. 118.

²¹ Там же. С. 122.

²² Козицкая Е. А. Цитата в структуре поэтического текста. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998. С. 10.

²³ Напомним, что на метрическом уровне (замена дактилической рифмы в нечетной строке на женскую) происходит контаминация Блока с Пушкиным и Лермонтовым, пропевшим гибель Пушкина — "смерть Поэта".